

ОР 84
А 62
А-389125

Радик Амиров

МОЎ ТАТАР САРАКТАШЫ

Радик Амиров

Op 84
A 62
Op 84

84(2=411.2)6-4
+ Op 84.5

МОЎ ТАТАР САРАКТАШЫ

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

Оренбург
2021

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

a-389125

КК

❁ · ГАНЯ · ❁

Время от времени в нашем ауле, утром или к полуденному намазу, когда бабушка Махикамал готовилась молиться, появлялась старушка. Тихая Ганя. Она приходила совсем без предупреждения и всегда одна – из Черкасс, села, где жили потомки выходцев из Украины. Я еще помню их мягкую речь. Но поселок Саракташ поглотил Черкассы, а вместе с ним поглотил и говор.

Баба Ганя пару десятков лет назад работала в нашем ауле. Рассказывают, она приходила тогда из Черкасс пешком ранним утром и вкальвала до позднего вечера. Потом уходила домой – каких-то три километра!..

Да что там – три километра! Вот у нас в ауле мама тетушки Ханифы славилась ростом и весом, здоровенная такая женщина. Чтобы не делать лишний крюк на поле, где пасутся ее быки (лошадей она не держала), мама тетушки Ханифы бралась за оглобли арбы и топала в поля. Там она запрягала быков и везла домой дрова, сено или солому. «Ну, сами подумайте, – судачила она. – Час до поля, час обратно домой, час

снова до поля. А так – всего час тянешь арбу и все-то! Зато быки неуставшие».

Баба Ганя из Черкасс знала всех жителей аула. Знала и любила. И ее любили. В каждом дворе и доме ее ждал стол и приветливый разговор. Те, кто знал русский, говорили с ней на русском. Те, кто не знал русского языка, разговаривал с бабой Ганей на том, каким на сей момент владеет, – татарском или башкирском, а иногда и вперемешку. Не разберешь, какие это слова по происхождению: у нас в степном крае язык особенно красив из-за смешений тюрков. Тут тебе и татары, и башкиры, и казахи, и ногайцы. Разговор может начаться с русского, потом плавно перейти на башкирский, затем незаметно на татарский. Может свернуть и на ногайский, конечно, только мало кто уже говорит на нем. А закончить беседу можно на казахском или русском. Можно наоборот, тебя все равно поймут.

Баба Ганя в войну то ли мужа потеряла, то ли жениха, то ли брата, но ни разу не рассказывала о своих родственниках. Мы и не спрашивали, а те, кто знал, то особо на эту тему не распространялся.

Баба Ганя была такая же, как и все наши бабушки, пережившие коллективизацию и страшную войну с ее ужасами – похоронками, трудовыми палочками, оплатой труда не деньгами, а зерном в 700 грамм в сутки за рабское существование в колхозе, постоянными угрозами высылкой за Урал, коллективизацией

тридцатых и послевоенным голодом. Тогда нашей разрушенной стране вдруг вздумалось кормить чуть ли не полмира за счет собственного молчаливого населения. И его безмолвия.

Баба Ганя пережила все это вместе с нашими женщинами и приходила в аул просто так. Видимо, ей хотелось вспомнить те трудные времена, которые теперь казались ей не такими уж трудными, как сейчас. Просто тогда баба Ганя была значительно моложе и полна сил. И раньше она, рассказывают, тратила от Черкасс до аула чуть больше четверти часа. А теперь мы видим, как она шагает до своего дома, наверное, целых полтора часа, ведь баба Ганя частенько отдыхает у дороги, вытянув ноги и лопухом отгоняя комаров и мух от своего морщинистого загорелого лица.

Говорили, что она была настоящей красавицей.

– Смотри, смотри, – можно было услышать в клубе, когда показывали веселый боевик «Свадьба в Малиновке». – Чистая наша Ганя. Глаз не отвести!

Баба Ганя, рассказывают, была сильной и статной. За какие-то полчаса спокойно одна-одинешенька могла управиться со стогом сена. Или запросто потащить тяжелые мешки в три-четыре пуда из амбара на полторки. А могла и присмотреть за татарскими и башкирскими детишками, сладко напевая им старинные украинские колыбельные, мягкие-

мягкие, иногда с непонятными словами – «кохаю» или «барвинок».

Но я запомнил всего лишь разговоры бабы Гани и моей бабушки Махикамал. Гостья аула говорила только на русском с мягким украинским говором, а бабушка моя из русских слов знала несколько – «здрасувуй», «эзнаком», «нищава», «садис тута, тута утыр» и еще немного.

Но разговор у них всегда клеился. Баба Ганя старалась держаться молодцом, она говорила:

– Жарко нынче, Махикамал!

Бабушка отвечала на татарском:

– Жара, очень жарко. Вчера ходила на огород пропальывать, – она показывала, как она работает мотыгой. – Воду пить нельзя, горло ай бой будет. Бальнис пайдешь, раз два бульна, ай-хай будет.

– Куда ходила? – переспрашивала баба Ганя.

– Картушка хадил. Сакмар хадил. Каларад жук мнугы.

– Ой, не говори, сами не знаем куда это добро девать. Всю ботву сожрали, ироды. Жука куда собираете? В банку с керосином?

– Карацин банка. Жук умирал.

– А куда ему выбратся?!

– Умирал! – повторяла бабушка Махикамал, потчюя гостью пирогами.

Затем они судачили, у кого кто родился, кто умер, кто куда переехал. Житейские дела.

– Как там Гайнулла? – спрашивала баба Ганя.

Бабушка отвечала:

– Харуш Гайнулла. Арба туда-сюда ходит.

– Какой все же Гайнулла молодец. Не стареет? Не стареет, говорю, ваш Гайнулла-то.

– Щава? – бабушка Махикамал мало что понимала по-русски.

– Маладис Гайнулла, – повторяла баба Ганя.

– Маладис Гайнулла, – кивала моя бабушка. – Арба туда-сюда ходит. Кантор ходит. Калхуз ходит. Аул ходит.

Так могло продолжаться часа два. Баба Ганя рассказывала, как была на приеме у врача:

– Доктор мне говорит, ты, баба Ганя, не молодая уже, беречь себя надо, а ты все пешком да пешком. Вот не сидится тебе на одном месте. Сидела бы дома, пенсию получала, говорит.

– Пенсия капейка! – соглашалась бабушка. – Доктор и бальнис плохо. Ай бой плохо.

– Не то слово, подружка ты моя! А ему и говорю, сынок, говорю, ты бы поработал с мое в колхозе-то, говорю. Помнишь, как скирды на Аримбикэ кидали по осени? Помнишь?! Солому кидали. Аримбикэ, – бабе Гане нужно было несколько раз повторить слова, чтобы все дошло до адресата.

– Сынок, что она лопочет? – спрашивала меня бабушка Махикамал в таких случаях.

– Она говорит, как вы в молодости солому кидали! – улыбался я.

– Ааа, салума. Маладуй был. Син маладуй, я маладуй, – бабушка вздыхала, и пару минут

ей было грустно. В такие моменты в ее доме наступала тишина, и было слышно лишь летавших мух. – Абдула война умир...

Почти каждый разговор бабушка заворачивала на тему, как на войне погиб ее муж.

На стене тикали часики, а вскипевший чайник на керосинке вновь напоминал о том, что бабушке нужно заварить чай – и не краснодарский, а настоящим, индийский, спрятанный подальше внутри самодельной тумбочки.

Весть о том, что в ауле баба Ганя, быстро доходила до кого надо. В дом моей бабушки приходили другие старушки, они садились на нары и рассказывали гостье из Черкасс про свое житье-бытье. Одни жаловались на невесток, другие – на то, как нынче громко в клубе играла нетатарская музыка, а девушки ходят в коротеньких юбках чуть ниже колена, третьи – что повалился забор и некому поправить. А иные гости теребили кончики платочков, махали руками, отгоняли мух и тихо разговаривали. Сами с собой, и никто их не слушал.

Порой все старушки, поправляя цветастые платья и часто моргая, слушали длинную и экспрессивную речь бабы Гани, а затем пытались дружно и неумело переводить на татарский, что же она сказала такое, что никто ничего не понял.

Кто-то говорил, что гостья говорит о том, как разрастается ее село и очень скоро подойдет к границам поселка. Другая доказывала, что Ганя

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66